

Патрисия КААС:

Гравда - 1991 - 8. Март - с. 7

«Мама — моя любовь»

Есть звезды, которые греют. К таким немногочисленным знаменитостям (нашим и зарубежным) можно отнести Патрисию Каас. Это видно даже на экране ТВ.

А в жизни! Вот интервью, взятое у нее журналисткой Катрин Панколь.

Это история маленькой девочки из шахтерской семьи. Папаша Каас вкалывал на шахте, мама мужественно растила семерых детей. Семья не знала ни каникул на берегу моря, ни игрушек, зато в ней царил любовь. Такое трудное и счастливое детство нечасто встретишь сегодня. Такое детство незабываемо, ибо, если лишит Патрисию Каас ее родины, родителей, пяти старших братьев и сестры, невозможно понять эту миниатюрную женщину, которая извивается на эстраде, коллекционирует «золотые диски», зажигает публику от пятнадцати до семидесяти лет в Париже, Москве, Токио. Для Патрисии любая музыка — балетная, так как с восьми лет она поет на народных балах. Ее первый гонорар — пакет с конфетами.

Однажды в 1983 году в ее голос безумно влюбился один человек — архитектор из Битша, отец семейства. Он сделает все возможное, чтобы парижане услышали Патрисию и дали ей шанс. Он завоевывает доверие мамы Каас и студии грамзаписи «Фонграм». Он найдет для Патрисии автора текстов, композитора и знаменитого покровителя, который не сможет устоять перед ее голосом. — Жерара Депардье. Похоже, что карьера Патрисии на подъеме. Но — фальстарт: первый диск в 45 оборотов, названный «Ревнивая», провалился. Патрисия стискивает зубы и начинает все с нуля. «После этого поражения я записала «Мадемуазель поет блюз». Это было в марте 1987 года...»

— Вы считаете, вам «повезло» или «так и должно быть, ведь вы много работали»?

— Мне повезло, но я и работала тоже. Я так хотела заниматься этим делом! Я много тружусь и с большим желанием. Помоему, в этом и заключается жизнь. Например, я живу на шестом этаже без лифта, и, когда возвращаюсь с гастролей и нужно лезть наверх со всем багажом, я страшно злюсь. Но я поднимаюсь и в конце концов достигаю цели! Воля главное всего.

— Вы выглядите очень серьезной девушкой.

— Да. Такова я в жизни и в работе, особенно в работе. Так уж я воспитана, в основном матерью. Она всегда мне говорила: «В жизни нужно бороться, иметь сильную волю, характер». Такой я и выросла. Я не особенно забочусь о себе, только люблю покупать шмотки.

— Что вам нравится в вашем успехе?

— То, что люди любят меня за то, что я есть, а не за то, о чем я пою. Я не хочу меняться, стать другой. Именно поэтому я часто оказываюсь в одиночестве. Мне говорят, что у меня груст-

ный и одинокий вид, но это потому, что я люблю бывать одна, ни о чем не думать.

— Внезапно вы стали зарабатывать много денег...

— В сущности это почти ничего не изменило. Я не люблю богатства. Потому что настоящие богачи выглядят такими смешными, когда за ними понаблюдаешь. Я не люблю богатых, чувствующих себя выше всех остальных лишь потому, что они богаты. Мне кажется, это глупо и смешно.

— Что вы делаете со своими деньгами?

— Я купила машину «хонду» и квартиру в кредит. Это, конечно, здорово, но я могу сказать, что не в деньгах счастье. До этого я тоже была счастлива, но по-другому, вот и все. Счастья не купишь. Я живу просто, не посещаю часто модных заведений, потому что чувствую там себя не в своей тарелке: я там не на месте, уж так воспитана...

— Что вы делаете, когда приезжаете к родным?

— Для меня семья важнее всего. Родина тоже, ведь именно здесь все и началось. Она возвращает мне вкус к жизни. Гастроли, поездки очень утомляют. Когда я хандрю, я еду туда и набираюсь сил. Эти места напоминают мне время, когда я была молодой...

— Случается ли вам веселиться?

— Нет, по-настоящему нет.

— Создается впечатление, что вы думаете только о работе.

— Да, но для меня концерт — не тяжелый труд, а радость.

— Есть ли что-нибудь в жизни, что выводит вас из себя?

— Да. Например, то, как обходятся с пожилыми людьми. Я к этому очень чутко отношусь. Ведь в первый раз я ввязалась в драку именно из-за этого. Тогда я училась в колледже, мне было около одиннадцати лет. Я была очень маленькой, худенькой. Мы вошли в автобус, чтобы ехать домой, когда какой-то верзила плюнул сзади на маленького старичка. Я возмутилась и подумала: «Если я сейчас скажу этому хулигану все, что о нем думаю, он поколотит меня, но ведь это не страшно!» Я так и сделала, сказала ему все, что о нем думала и даже залепила ему щечину...

— Ну и чем же все кончилось?

— Он отколотил меня. Но я была горда собой.

— Кажется ли вам, что вы сами определяете свою судьбу?

— Да. И в работе, и в жизни я теперь самостоятельно принимаю все решения. Но так было не всегда, надо было многому научиться. Уже два года я все решаю сама. Например, когда я сменила студию грамзапи-

си, было трудно, но я пошла на риск.

— Вы создали свою собственную студию?

— Она называется «Нот де блюз», и там вышел мой второй альбом. Главное в контракте — это свобода, а свободу не купишь. Для выбора песен очень важно самому быть продюсером. Потому что в студиях грамзаписи руководствуются только «коммерческими» категориями, а не соображениями карьеры. Мне хочется, чтобы так продолжалось долго.

а жить с кем-нибудь еще не время.

— Говорят, что между вами и Аленом Делоном была большая любовь?

— Эта история глубоко меня взволновала, ведь я очень ценю Алена Делона. Однажды он позвонил мне и приехал на мой концерт в «Зените». Я почувствовала, что он восхищается мной и любит меня, но... Все думали, что у нас любовный роман. Я очень хорошо отношусь к Делону. Он почти мой друг. Этот человек занимается нашим делом

большую. Мы никогда не разлучались. Вместе ходили в кино, вместе гуляли. Говорили, что из-за нее я выгляжу несколько старобразно. Когда я уехала в Париж, мне было очень нелегко покинуть ее, но она так хотела, и я повиновалась. Когда она заболела, я часто уезжала по вечерам из Парижа, проводила ночь у нее в больнице, а утром возвращалась обратно. Мама боролась всю свою жизнь. Она вырастила семерых детей... и именно тогда, когда могла наконец немного отдохнуть, заболела. Для меня она по-прежнему жива. Когда я впервые пела на сцене «Олимпиа», я посвятила спектакль и гастроль своей матери, потому что так было нужно. Иначе я не смогла бы выйти на сцену. Я действительно много работала, но это было лишь средством для того, чтобы побороть горе. Если бы я не трудилась так, не знаю, смогла ли бы я выдержать. Я ношу ее обручальное кольцо. У меня есть также маленький плюшевый мишка, которого я когда-то ей подарила. В день смерти она держала его в руках. Я сохранила игрушку, она всегда со мной — в сумке, в кармане. Я очень дорожу ею, потому что, когда забываю ее, мой голос звучит гораздо хуже. Когда я нуждаюсь в любви, я усиленно думаю о маме, и она приходит ко мне.

— А вы хотели бы петь что-то еще, создать другой репертуар?

— Некоторые говорят, что мне с моим голосом можно бы петь песни получше, но я вот такая, какая есть. Я ведь очень простой человек, у меня не особо богатый запас слов. Если я не прочувствую текст песни, я не смогу их петь, вкладывать в них чувство. Надеюсь, что когда-нибудь смогу сама писать слова для песен.

— А когда вас сравнивают с Пиаф?

— Это великая женщина, но я всегда говорю, что Пиаф — это Пиаф, и нельзя сравнивать Пиаф, с ее личностью и характером, с начинающей певицей. То же самое, когда меня сравнивают с Марлен Дитрих, — я не понимаю этого. Между нами нет ничего общего, разве что немецкий язык.

— Что вы думаете о мире шоу-бизнеса?

— Тщеславные люди сделали мне много зла. Они смотрели на меня сверху вниз. Самые великие люди просты — Монтан, Азнавур. Я не уважаю людей, которые слышат много о себе понимают. Чтобы избежать этого, я выбрала неизвестных менеджеров, еще не испорченных своим ремеслом.

— Какой вы себя считаете?

— Не красивой, не уродом. На сцене я чувствую себя лучше, более завлекательной.

— А вы мечтаете о прекрасном принце?

— В юности я считала, что на свете нет прекраснее мужчины, чем Ален Делон!

(По каналам ТАСС).
Фото Э. Жигайлова.

Интервью «звезды», зажигающей публику от пятнадцати до семидесяти

— Всю жизнь?

— Этого я не знаю. Я хочу выйти замуж, иметь детей. Сегодня мне нравится быть одной, но, когда у меня будет семья, я знаю, она будет на первом плане.

— Остается ли у вас время на личную жизнь?

— В ближайшем будущем меня это не особенно интересует.

— Вам не хочется жить с кем-нибудь?

— Нет. Если завтра я страстно полюблю, я буду думать только о своем избраннике. Но сегодня меня занимает моя работа,

многие годы. Он изредка мне звонит, я с ним разговариваю — он очень добр. Но между нами ничего не было.

— Страшно начинать самостоятельную жизнь в Париже?

— В общем-то я довольно робкая. Меня воспитали в немецких традициях. Я плохо говорила по-французски. Когда я оказалась в Париже, мне было трудно.

— Как раз тогда заболела ваша мать.

— Да. Самым тяжелым моментом в моей жизни была смерть матери. Она была больше, чем мать. У нас была почти что лю-